

В.В. Бочаров, А.И. Рябикин

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В ПЕРИОДЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Статья посвящена проводимой в современной России земельной реформе. Проблемы, которые возникают при ее осуществлении, по мнению авторов, заключены в российской правовой культуре. Нормы обычного права существуют в рамках этой культуры и включены в законотворческий процесс. Сложность понимания земельной собственности в обычном праве приводит остроте политических дискуссий. Авторы статьи приходят к выводу, что нормы обычного права являются органической составляющей мыследеятельности политиков, воспроизводящих традиционные пласты правовой культуры, носителями которой они являются. Ссылка на нормы обычного права осуществляется без предварительной рефлексии, т. е. автоматически. Сами эти нормы являются мотивом, определяющим отношение к частной собственности.

Актуализация проблемы земельной собственности в современной России вызвана проводимыми в последние годы реформами, направленными на коренное преобразование отношений собственности в целом. Столетие назад в России стоял тот же самый вопрос, который вызвал острую дискуссию в политических кругах. Реформы начала XX в., направленные на внедрение частной собственности на землю, сошли на нет после убийства их главного идеолога П. Столыпина. Первый декрет советской власти в 1917 г., который назывался «Декретом о земле», национализировал всю землю и решал, вроде бы, эту проблему раз и навсегда. Однако с распадом СССР «земельный вопрос» обрел новое дыхание.

Принятие Земельного кодекса в 2001 г. ничего не изменило, и сегодня в обсуждение «вопроса о земле» также втянуты крупнейшие политические силы страны, причем их позиции носят, как правило, диаметрально противоположный характер. Например, «демократические силы» являются активными сторонниками частной собственности на землю, добиваясь принятия соответствующего закона в «Земельном Кодексе», который бы предусматривал свободную куплю-продажу земельных участков, включая земли сельскохозяйственного назначения. Категорическими противниками этого выступают левые партии во главе с КПРФ.

Однако, с одной стороны, знакомясь с материалами по земельной проблеме, обильно представленными в СМИ, а с другой, общаясь с представителями самых различных социальных слоев, постоянно ощущаешь, что накал страстей проявляется лишь на гребне

общественно-политической жизни, захватывая лишь политиков, в то время как «массы» взирают на данное противостояние достаточно равнодушно.

Всплески «народного негодования» и «народного одобрения» наблюдаются, почти исключительно, на подступах к зданию Государственной Думы накануне соответствующих заседаний. Причем эти «выступления», как телезрители имели возможность наблюдать, представляли собой довольно немногочисленные «массовки» с транспарантами и речевками. В то же время социологические исследования, проведенные в разгар дискуссии в СМИ в связи с обсуждением «земельного вопроса» в Думе, показали, что общественное мнение в целом демонстрирует безразличие к данной проблеме. Так, почти половина населения России (47 %) уверена в том, что земельная реформа вообще никак не повлияет на их положение (Национальная служба информации//www.mediatext.ru).

Отношение россиян к «земельному вопросу» отражается в результатах выборов в органы власти различных уровней. Например, КПРФ так и не смогла на земельном вопросе, который в ее программе занимает одно из центральных мест, заработать себе должного политического капитала, так как «народ» не отреагировал на аргументы коммунистов, рисующих апокалиптическую картину в случае принятия нормы, связанной с куплей-продажей земли. Так было и в ходе последних выборов в Государственную Думу, и на президентских выборах 2004 г., когда кандидат от этой партии Н. Харитонов, позиционировавший себя, в первую очередь, в качестве главного «защитника» российского крестьянства, также не получил серьезных политических дивидендов.

Причем, если у левых преобладают иррациональные мотивы, начиная от обвинений политических противников в «распродаже Родины» и заканчивая цитированием Библии («Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит 25–23)), то правые, отстаивая свою позицию, прибегают к рациональным аргументам. Они, в частности, позиционируют себя в качестве защитников права, которое нарушается властями. По словам Б. Немцова, «принятие этого закона означает одно — в стране будет выполнена российская Конституция, где говорится о том, что граждане имеют право на собственность, в том числе и на землю» (Интервью Бориса Немцова 2000).

Второй принципиальный аргумент правых в пользу закона о частной собственности на землю основывается на экономической целесообразности. Утверждается, например, что только класс частных собственников, ориентированный на получение прибыли, способен резко увеличить производство продукции в этом секторе экономики, преодолев таким образом кризис в сельском хозяйстве. Однако и призывы к восстановлению «демократической законности», и рационально-экономические мотивации также не были услышаны электоратом. Даже фермерство, которое, казалось бы, является естественным союзником правых, не выказало должного энтузиазма. Показательна в этом смысле реакция одного из его представителей. В письме на сайте СПС он, используя те же экономические аргументы, утверждает, что введение частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения не сулит фермерам никаких выгод (www.pravoedelo.spb.ru/forum). Ниже мы рассмотрим более развернутую аргументацию этой точки зрения представителей данного социального слоя.

Если левые все-таки получили в целом более 20 % голосов избирателей (КПРФ вместе с «Родиной»), то для правых выборы в Думу обернулись полным провалом.

Можно ли на основании всего этого утверждать, что россияне глухи к данному вопросу? Конечно, нет, тем более, что существуют достаточно убедительные свидетельства того, что реально «черный рынок» земли уже активно функционирует и развивается (Штамм 2001). Интерес россиян к данному виду собственности отчетливо обнаружился и в ходе полевых исследований, проведенных одним из авторов данной статьи в северо-западном регионе России в 2001–2002 гг. А. Рябкин, производя кадастровые работы, имел возможность

наблюдать проявление данного интереса, который зачастую выступал не в юридических терминах, а в форме обычно-правовых представлений о собственности на землю (Рябкин 2002).

Нам представляется, что оценивать факты, связанные с отношением российского населения к собственности на землю, необходимо прежде всего с точки зрения правовой культуры, характерной для нашей страны. Об этом уже шла речь в статье В.В. Бочарова, опубликованной в предыдущем номере журнала (Бочаров 2004). В данном случае пассивность населения по отношению к «земельному вопросу» также обусловлена предлагаемым политиками способом юридического закрепления прав собственности на землю, а отнюдь не отсутствием реальной заинтересованности в его справедливом разрешении. Словом, вопрос состоит вовсе не в том, что россияне безучастно относятся к материальным отношениям собственности на землю, а в том, что они имеют особое представление о праве собственности, в котором чрезвычайно низок статус государственного закона в противовес обычному праву как главному носителю идеи справедливости в отечественной культуре.

В данной статье мы постарались выявить роль обычно-правовой составляющей в нашей правовой культуре относительно собственности на землю, продемонстрировать, что правовой плюрализм в этом вопросе неизбежно порождает конфликт в социально-политической сфере. Он отчетливо обнаруживается в общественно-политическом дискурсе, особенно в те периоды, когда в стране проводились реформы по введению частной собственности на землю.

Обычно-правовые аспекты собственности на землю и современное правосознание

В индустриальных обществах частные собственники земли обладают правом полного распоряжения земельным участком, включая определение самим собственником его целевого назначения, интенсивности и эффективности использования. Это полностью соответствует принципам собственности как особой формы отношений людей и вещей (см. Бочаров 2004). Конечно, возможны ограничения со стороны государства, например, часто присутствует требование не нарушать права собственности соседей. В остальном же с участком можно делать все что угодно, в том числе и совсем его не использовать (Мыльников 2002). В то же время даже в этих обществах, где, казалось бы, авторитет частной собственности является непререкаемым, отчетливо фиксируется обычно-правовой пласт в отношениях земельной собственности. На это обратил внимание классик антропологии Э. Тэйлор еще в начале XX в. Он, в частности, усмотрел «отголоски древности» в сложности юридической процедуры, связанной с покупкой и продажей земли в Англии. Ученый отметил также, что здесь «де факто» земля так и не превратилась в полноценную частную собственность. Этот вывод был сделан на том основании, что владелец практически лишен возможности распоряжаться землей по своему усмотрению, в частности, при передаче ее по наследству. «В Англии сила духовных завещаний сделалась столь громадной, что теоретически человек может отказать свое имущество кому угодно, но на практике это удерживается нравственным чувством и общественным мнением, которые осудили бы как неестественный для человека поступок подобное лишение средств детей для обогащения постороннего или какого-нибудь госпиталя» (Тэйлор 1924: 306). Исследователь задается «очень интересным историческим вопросом»: почему в той же Англии «после смерти движимое имущество (при условии, что владелец не оставил завещания) делится судом между членами всей семьи по справедливости, за исключением земли, которая в большинстве случаев переходит к старшему сыну?» (Тэйлор 1924: 307). Представляется, что отмеченные ученым факты

объясняются обычно-правовыми представлениями, продолжающими оказывать воздействие в сфере земельных отношений, во многом подчиняя себе официальное право.

Необычайная устойчивость обычно-правовых представлений, связанных с собственностью на землю, несомненно, объясняется особой значимостью земли (территории) для человека, — среды обитания и главного источника пищевых ресурсов. Именно в силу этого земля обрела высокий статус в рамках базовых идеологических представлений традиционного общества — культа предков, представлений, которые во многом продолжают определять современное правосознание.

Культ предков как основа обычно-правовых представлений, связанных с собственностью на землю

Культ предков — наиболее ранний тип идеологии, который закрепил в сознании людей фундаментальный принцип устройства социальной материи, основанный на доминировании старших (Бочаров 2000). Этнографические источники фиксируют следы культа предков практически у всех народов. Культ основан на универсальном для традиционного общества мировоззрении о жизненном пути человека, в соответствии с которым он после смерти обретал еще более высокий статус в социальной иерархии — статус предка. Предки же, как считалось, могли практически неограниченно влиять на жизнь членов социума. В обществах с примитивной социально-политической структурой власть предков ограничивалась их родственниками (родом, линиджем, кланом и т. д.). В более сложных социумах (племенах, вождествах), как, впрочем, и в доиндустриальных обществах в целом, ответственность за благополучие всего социума ложилась на предков правителей: вождей, монархов. Точнее, если предки родственных коллективов, как предполагалось, обеспечивали жизненное процветание своей родне, то «национальные» предки (т. е. вождей или монархов) — всем подданным.

Правители же рассматривались как бы живыми представителями предков своего священного рода, медиаторами между ними и населением. Словом, предки играли главную роль в жизни живых. Недаром в ранних войнах захватчики в первую очередь оскверняли могилы предков, дабы лишить завоеванные народы их покровительства. Так же вели себя и европейцы по отношению к населению своих многочисленных колоний. Например, англичане, заметив, что «туземцы», совершая обряды на могилах своих предков, значительно укрепляли свой дух в антиколониальной борьбе, старались лишить их этой возможности. Поэтому они не только разрушали могилы вождей, но вообще запрещали хоронить убитых лидеров и увозили их тела за пределы страны. Примечательно, что во время подъема национально-освободительного движения африканцы, например, требовали от колонизаторов вернуть останки своих героев, уповая на их защиту и покровительство в борьбе за независимость (Бочаров 1992).

Эта же логика просматривается и в действиях И. Сталина, связанных с «национальной политикой». Высылая целые народы со своих территорий, он как бы лишал их покровительства предков, стоявших, как известно, на страже традиционного образа жизни. В результате власть получала большую свободу действий по коренной перестройке жизненного уклада многих этнических групп в составе СССР. Тем не менее, депортированные народы сохранили веру предков, которая порой продолжает проявляться в наиболее архаической форме. В частности, в многочисленных интервью представителей реабилитированных этнических групп, которые активно транслировались по каналам ТВ, начиная с конца 1980-х гг., звучала радость именно в связи с возвратом «на землю (или к могилам) предков». Значит, по их представлениям, они вновь обрели покровительство предков, что должно обещать счастливую (гармоничную) жизнь.

Поведение, мотивированное культом предков, или, точнее, его идейно-психологическим субстратом, довольно широко представлено на всех уровнях индустриальных обществ. Причем на нижних уровнях оно практически сохраняет свой первозданный смысл. Люди, совершая поминальные ритуалы на могилах родственников, зачастую на самом деле уповают на их поддержку. Нам не раз приходилось слышать из уст верующих людей о фактах «посещения» их умершей родней (чаще всего во сне). Это воспринималось как напоминание о необходимости соблюдать ритуальные обязательства. Поэтому рассказчик, как правило, выражал намерение в ближайшее время сходить в церковь и поставить свечку или посетить могилу родственника, чтобы тот «не сердился».

Национальные праздники зачастую также уходят своими корнями в культ предков. В частности, в них почти всегда включены ритуалы поминовения национальных героев прошлых лет. Особенно отчетливо это проявляется при тоталитарных режимах. Здесь поминовение «священного предка» — основателя режима жестко увязано с гарантией достижения социально-государственного процветания. Поэтому их могилы являются национальными символами (мавзолеи). Например, в СССР между первым лицом государства и Лениным всегда символически устанавливалась духовная связь. Именно он был «верным продолжателем дела Ильича», возглавлял ритуалы поминовения (возложение венков) и обретал тем самым необходимую Силу, исходящую от «священного предка». Генеральный секретарь КПСС занимал центральное место на мавзолее вождя во время многолюдных праздничных ритуалов. Произнося празднично-ритуальные речи, он всегда цитировал, прежде всего, Ленина, в то время как остальные выступающие лишались такой привилегии и обязаны были ссылаться на живого вождя.

Отметим, что современная российская общественно-политическая жизнь также густо замешана на том же идейно-психологическом субстрате, обретая порой самые архаические формы. В частности, несколько лет назад бурный ажиотаж был поднят в связи с захоронением останков Николая II в усыпальнице русских самодержцев в Санкт-Петербурге. Не менее активно обсуждается вопрос о выносе из Мавзолея и захоронении тела В.И. Ленина. Причем, обе акции связывались с надеждой на социально-экономическое благоденствие страны. Например, Б. Немцов, который, кстати, в свою бытность вице-премьером правительства РФ возглавлял правительственную комиссию, изучавшую вопрос по захоронению останков последнего российского императора, в своих интервью уже в 2003 г. неоднократно высказывался в том духе, что именно тело «вождя», покоящееся в Мавзолее, является основным препятствием экономическому и духовному возрождению России. При этом он ссылался на академика Д.С. Лихачева, который первый где-то высказал эту мысль. В этом же не раз убеждал телезрителей в своих программах историк и драматург Э. Радзинский.

Словом, культ предков — это базовый для социальной системы тип идеологических представлений, который упорядочивает ее внутреннюю структуру, формируя иерархию между элементами. Центральным же его компонентом является похоронно-поминальный обряд, неизбежно, в свою очередь, связанный с землей, в которой покоится прах усопших. Именно данный ряд представлений сформировал концепцию об отношении «человека» и «земли». Сравнительный анализ этнографических материалов по традиционным обществам свидетельствует о том, что реальными собственниками земли (территории) выступали именно предки (предок), которые, в свою очередь, как бы делегировали право распоряжения ею живым социальным лидерам.

Чаще всего правом распоряжения землей наделялся старший потомок рода, будь то старейшина семейно-родовой группы или же старший член сакрального рода — наследник трона. Словом, владельцев и распорядителей обычно связывало как родство, так и старшинство. Культ предков наделял правом распоряжения старшего родственника на том

основании, что он ближе всех находился к статусу предка, а значит, еще при жизни обретал некую святость. Однако свобода распоряжения землей была строго ограничена традиционными правилами землепользования, которые были опять же освящены авторитетом предков (традицией).

По сути, об этом же писал и Тэйлор. В его времена на страже обычно-правовых норм, рассматривающих землю как коллективное владение родственников, наследуемое старшим из них, стояли «нравственное чувство и общественное мнение», служившие эффективным средством социального контроля. Иными словами, несмотря на формальное господство частной собственности с неограниченным правом распоряжения вещами, в отношении земли в значительной мере продолжает действовать обычное право.

Если в индустриальных обществах обычно-правовые нормы выступают скорее как исключения, напоминающие об историческом прошлом, то для «периферийных» социумов они продолжают определять отношение людей к земле в полном объеме. Исследования российского антрополога В.Р. Арсеньева в Африке (бамбара, республика Мали), проведенные в 1990-х гг., свидетельствуют о том, что земля продолжает считаться африканцами собственностью предков. Так, у бамбара хозяином земли считается *дасири*, который одновременно выступает в качестве предка-основателя, а также духа — охранителя деревни, которая населена его родственниками. Вождь же, старший мужчина из старшего поколения родственного коллектива, является распорядителем, действующим от имени *дасири*, который не допускает продажу земли или сдачу ее в аренду. Вождь от имени *дасири* следит, чтобы использование прилегающих к деревне земель не наносило естественного или ритуально-магического ущерба плодородию почв, а также отвечает за поддержание культа предков своего и родственных домохозяйств. После его смерти функции исполнителя воли духов-хранителей места (предков), а также воли самого этого первопоселенца (*дасири*) передаются старшему мужскому потомку в рамках социально-родственного коллектива, к которому этот первопоселенец принадлежал (Арсеньев 2000: 84).

Отметим, что европейцы на ранних этапах колонизации не осознавали различия в понимании феномена собственности на землю между ними и африканцами. Широко известны факты заключения колонизаторами юридических договоров с вождями на покупку земли. Однако впоследствии выяснялось, что те не имели права оформлять сделки, следствием чего были восстания, вызванные неправомерным с точки зрения населения отчуждением земли.

Отношение к земле как духовной субстанции, организованной в рамках культа предков, характерно для северных народов России (эвены, эвенки, ханты и др.). Считалось, что землей владели духи-хозяева, которых, скорее всего, следует идентифицировать с предками. Система землевладения включала в себя традиционные земельные правила и нормы, связанные с существованием могил предков, культовых мест, духовной общности с землей (Землепользование эвенков и эвенков в Сибири, 1997: 91). Предполагалось, что люди строили с ними отношения на «договорной основе», опирающейся на принципы обмена, равенства, уважения. Например, охотники и рыболовы (ханты, манси, лесные ненцы) для успешного промысла заключают как бы договор с духами. Перед началом промысла устраивается жертвоприношение, причем во время этой процедуры звучит обращение «лесные старики, старухи...». Это дает основания предполагать, что в качестве «духов» выступали умершие члены социума. Совершив обряд, люди считали себя вправе ждать от духов покровительства. Если, несмотря на принесенные жертвы, дух не выполнял своих обязательств, то его изображение могло быть избито, брошено, уничтожено.

Отношение представителей данных народов к земле проявляется в настоящее время при заключении договоров с нефтедобывающими корпорациями. Эти соглашения содержат перечисленные в письменном виде обязательства сторон. Обычно они закрепляют согласие

семьи, владеющей родовым угодьем, на отвод земли для промышленного освоения, при выполнении определенных обязательств противоположной стороной. Документ подписывается главой семьи, генеральным директором и представителями администрации. При этом манси совершают жертвоприношения, которые следует, видимо, рассматривать как привлечение к договору еще одной стороны, являющейся настоящим хозяином земли, т. е. духов предков. По словам самих манси, «жертвоприношения в этом случае как печать» (Землепользование эвенков и эвенков в Сибири 1997: 233–234).

Мистическое отношение к земле, одухотворенное культом предков, характерно сегодня и для кавказских народов России и СНГ. Оказалось, что на Кавказе возврат колхозных земель в собственность родовых коллективов начался практически сразу же после смерти Сталина: «Подростки дети репрессированных отобрали свои земли обратно у тех, кто при колхозах заявлял, что земля теперь общая...» (Крылов 2000: 66). В Абхазии до сих пор право на землю теснейшим образом переплетено с представлениями культа предков. Исследователь пишет о земельном конфликте, имевшем место в конце 1990-х гг. Спор случился по поводу земельных угодий, принадлежавших до революции некому родственному коллективу. После распада СССР его представители потребовали возврата отчужденных некогда земель. Интересно, что в качестве аргумента фигурировал тот факт, что сельский житель Шакрыл, «сознавая, что живет не на своей земле, завещал похоронить себя на земле предков в селе Лыхны» (Крылов 2000: 68). По представлениям культа, умерший должен покоится только в земле, принадлежащей предкам и охраняемой ими, в противном случае его ждали беды на том свете. А. Крылов приводит множество свидетельств того, что сегодня абхазцы хранят память о родовых землях: «Абхазцы из поколения в поколение передают своим потомкам сведения о размерах и расположении родовых земель, зачастую находящихся на большом расстоянии от дома. <...> Поэтому, несмотря на бурные события XX в. и отсутствие каких-либо карт земельных угодий, споры между крестьянами, претендующими на одни и те же земли, являются довольно редкими. <...> Все крестьяне знают свои владения и сами решают все возникающие проблемы» (Крылов 2000: 71). Причем земельные споры решаются в рамках обычного права, а главным судебным доказательством является присяга, которая произносится в святилище верховного божества абхазцев Дыдрыпша: «Каждый из претендентов со своими поручителями из числа родственников должен присягнуть в том, что “это — его земля” — т. е. принадлежала его предкам. По твердому убеждению многих опрошенных крестьян, если претендент и его родственники не уверены в своей правоте — то они никогда не дадут подобной клятвы в святилище, а отказавшийся от присяги одновременно отказывается от претензий на земельный участок» (Крылов 2000: 72–73).

Память о родовой земле, или «земле предков» сохраняется и у российских чеченцев. В.А. Тишков приводит свидетельства информанта, утверждавшего, «что до сих пор хорошо знает, и знают все окружающие, где в родном горном селе проходят границы ее родовых участков: “Никто ни одной груши не сорвет. Все знают, кому принадлежат эти деревья”» (Тишков 2001: 76).

Отношение к земле на Кавказе нашло отражение в политической дискуссии в процессе обсуждения земельного кодекса в Думе. Например, депутат А.С. Куликов предложил учесть его в законодательной практике: «Для Кавказа, для малоземельных республик, таких, как Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Осетия, где каждый квадратный метр знают жители, знают, кто до революции владел этой землей... Если все эти вопросы не предусмотреть, там действительно могут быть серьезные последствия, и мы, таким образом, можем породить проблемы, дополнительные проблемы» (Государственная Дума... № 101: 36). Обычно-правовые представления народов данных этнических групп, действительно, оказывают существенное влияние на законотворческий процесс. В частности, парламент Северной

Осетии-Алании 25 марта 2004 г. принял закон о запрете частной собственности на землю на 49 лет. Разрешается только аренда земли.

Обычно-правовые представления о собственности на землю у русских и их отражение в общественно-политическом дискурсе

Земля и культ предков. В русской культуре культ предков также во многом определял обычное право, регулировавшее собственность на землю. Связь его с «землей» фиксировалась еще нашим выдающимся этнографом и фольклористом А.Н. Афанасьевым во второй половине XIX века. Исследуя русскую демонологию, он показал, что собственником родовой земли считался домовый, который, в свою очередь, был не чем иным, как священным предком родственного коллектива: «От тесных стен избы и двора охранительная власть домового распространилась на весь поземельный надел, принадлежащий роду. Понятие собственности было нераздельно связано с представлением очага: о частной собственности не знали, всем имуществом владел род сообща, который (как лицо юридическое) и был настоящим собственником, или, говоря строже, — собственником было божество домашнего очага: в нем видели представителя родственного единства, старейшего праотца. Такое сочетание различных понятий запечатлелось в слове *чур*; ибо другая форма его *щур*, сохранившаяся в названии *пращур*, указывает на предка-основателя рода. <...> Земля, в которой покоились мертвые, признавалась священной, недоступной чужеродцам и не подлежала отчуждению... только тот мог пользоваться плодами общего, наследственного имущества, соучаствовать в его обладании, кто в качестве члена известного рода состоял под защитой домашнего очага и принимал участие в семейных жертвоприношениях и молитвах» (Афанасьев 1983: 186). Сакрализация верховной власти в России, которая в той или иной форме прослеживается на всем протяжении истории (Бочаров 1992б), во многом обусловлена ее связью с божественной сущностью «земли», уходящей, в свою очередь, корнями в культ предков.

В нашей культуре государство, синонимами которого выступают понятия «страна», «Родина», «Отечество», отождествляется, во-первых, с верховным правителем, во-вторых, с «землей» («Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек»). Как справедливо заметил Б.Б. Родоман, у нас «государство — живое существо, родное, близкое, требующее любви, как мать и отец. “Как невесту Родину мы любим, бережем как ласковую мать”. <...> Если в XIX в. слово “Родина” было запрещено цензурой, так как воевали “за Царя и Отечество”, то в СССР до войны с Германией было запрещено “Отечество” как напоминающее о царе<...>. Отечество, которое защищают вооруженные силы, это, прежде всего, сам Отец Отечества, а Родина, вверенная ему страна, земля, почва, более пассивная, страдающая, беззащитная, жертвенная» (Родоман 1997: 302–304). Поэтому если солдаты Первой мировой «умирали за родную землю» со словами «За царя и Отечество», то солдаты Второй мировой — «За Родину, за Сталина!».

С позиций такой культуры частная собственность, с ее нормой свободного товарооборота земли, без преувеличения, выглядит святотатством. Это используют левые политические силы, выдвигая лозунг: «Продажа земли ведет к продаже Родины». Особый протест вызывает принятие закона, разрешающего продавать землю иностранцам, т. е. чужакам. Депутат от КПРФ Н.М. Харитонов сказал: «Предоставление права собственности на землю иностранцам приведет к уменьшению жизненного пространства для граждан России и подрыву суверенитета страны. Кроме того, отчуждение земли иностранцам противоречит Конституции Российской Федерации. Конституция начинается словами: “Мы, многонациональный народ РФ, утверждая права свободы человека...” Если мы предоставим

иностранцам право покупки наших земель, то о какой своей земле, о каких правах!» (Государственная Дума... № 113. Ч. 1: 28).

Действительно, «чужак» в обычно-правовой ментальности отождествляется с «врагом», которому приписывается обладание сверхъестественной деструктивной силой. Вследствие этого «чужак» всегда находится вне права, субъектами которого являются «свои». По отношению к нему правомерны и даже обязательны насильственные действия. Поэтому, безусловно, продажа ему земли с ее высочайшим сакральным статусом расценивается как попрание всех мыслимых норм (Бочаров 2001: 508–509).

Конечно, отождествление нашим сознанием «государства», «страны», «Родины», наконец, «земли» с представителем верховной власти уходит корнями опять же в культ предков. В русской православной культуре царь, будучи «помазанником божьим», мыслился посредником между Богом и людьми. В то же время царский титул наследовался членом правящего (священного) рода, как правило, его старшим представителем. Словом, царь рассматривался и как посредник между подданными и Богом (в соответствии с христианством), и, одновременно, как представитель предков, также отвечающих (но в соответствии с язычеством) за жизненное процветание населения. Связь царского статуса с культом предков обнаруживается в феномене самозванства, который получил в России широкое распространение. Только реальный потомок сакрального рода был в состоянии обеспечить процветание живущим, а поэтому любые подозрения в том, что «царь ненастоящий», должны были вызывать у населения тревогу, что и использовали самозванцы в борьбе за власть. Словом, легитимность царской власти обеспечивалась частично христианскими, частично языческими представлениями (культом предков). Однако в обоих случаях он воспринимался как посредник между сакральным началом (Богом или предками), отвечающим за благоденствие людей, и самими людьми. В этом смысле царь как раз и считался собственником земли, точнее, ее «хозяином». Российский самодержец так и именовал себя — *«Хозяин земли русской»*.

Идейно-психологический субстрат, лежащий в основе культа предков, в конечном счете определил представления о государстве как легитимном земельном собственнике, характерные для нашей правовой культуры.

Государство как земельный собственник. Наши полевые работы позволили выделить представления о государстве как о легитимном собственнике земли по обычному праву (Рябикин 2002). Об этом же свидетельствуют и этноисторические материалы конца XIX — начала XX в. В соответствии с этой нормой, за государством признается, по сути, неограниченное право распоряжаться землей «по справедливости». В законодательных инициативах депутатов царской Думы можно усмотреть стремление утвердить данное обычно-правовое положение в качестве закона. Например, один их аграрных проектов («проект сорока двух») предполагал изъятие избыточной земли у владельцев разного класса и наделение ею крестьян для обеспечения своего существования. Этот проект вызвал критику депутатов, выступавших за частную собственность на землю. С точки зрения депутата С.И. Шидловского, принятие такой нормы в конечном итоге обернется тем, что «крестьяне сочтут правительство обязанным наделять их землей, не только государственной, но и частновладельческой, пошатнув в понятиях крестьян навсегда ясное представление о праве личной собственности» (Государственная Дума ... № 113. Ч.1: 109).

Озабоченность депутата была вполне правомерной. Как показывала практика тех лет, даже приобретя землю в частную собственность, крестьяне продолжали рассматривать свою волю по распоряжению наделами менее легитимной, нежели волю государства (власти). Например, утратив свою землю в результате нерасчетливой сделки по купле-продаже, они предъявляли претензии власти, полагая, что она обязана восстановить справедливость. В частности, речь шла о крестьянах, которые лишились земли, продав ее «скупщикам»: «Обезземеленные по

своей нерасчетливости крестьяне ждут не дождутся такого закона, когда можно будет отобрать проданную ими землю обратно, так как без земли жить нельзя. На вопрос, как это сделать, и кто же виноват, что они промотали свою землю, они отвечают, что сами, и с ними казна (правительство), что хочешь, то и делай, хоть на каторгу посылай...» (Шустиков 1907: 124). Словом, крестьяне, не отрицая своей вины, обвиняли и государство (казну), от которого как от верховного земельного распорядителя ждали восстановления справедливости. Под «законом», на который надеялись крестьяне, понимался, конечно же, царский указ.

Аналогичный случай, как мы увидим чуть позже из рассказа депутата Г. Райкова, произошел почти через 100 лет. Современные крестьяне пошли тем же путем, а именно, обратились в данном случае к представителю законодательной власти (заметим, что не в суд) за восстановлением справедливости, требуя возврата земель, утраченных вследствие нерасчетливой сделки. Если же учесть, что для обыденного сознания, в принципе, чуждо «разделение властей», о чем нам уже доводилось писать (Бочаров 1992б), то можно констатировать, что мотивации россиян со временем практически не претерпели изменений.

Не менее показательным в этом смысле и мнение предпринимательницы из Краснодарского края (о которой также речь пойдет ниже). Обсуждая реакцию крестьян, лишившихся земли в результате ее продажи, она заметила, что они обязательно «возьмутся за вилы», т. е. , неудачно распорядившись собственной землей, все равно возложат вину на государство. К этому выводу она пришла благодаря своему опыту работы в сфере сельскохозяйственного бизнеса. Поэтому ей доподлинно известно, что современные сельчане также считают государство главным собственником (распорядителем) земли. Оно же мыслится верховным арбитром, обязанным блюсти справедливость, в том числе, в этом вопросе. «Вилы» же всегда последний аргумент в разговоре с властью, когда та не способна выполнить этой главной для нее функции.

Земля — «дар божий». Другим легитимным обычно-правовым «собственником» земли является Бог. Об этом свидетельствуют как наши исследования, так и дореволюционные этноисторические материалы по русской деревне. Исследователи той поры отмечали: «Общественное владение землями в России, основанное по обычаю, который почти имеет власть закона, — обычаю коренному и который так силен. <...> “Мы ваши, а земля наша, земля есть божия”» (Сыроечковский 1909: 335 – 336). Таким образом, крепостные крестьяне, признавая даже свою принадлежность помещику, тем не менее, считали, что земля является общим («божьим») достоянием, а поэтому каждый может воспользоваться ею, приложив свой труд. Она рисовалась в народном сознании живой, мистической субстанцией, выступала в образе «земли-матушки», что отличало ее от другого недвижимого имущества. Иными словами, она не могла быть чьей-либо собственностью и выступать в качестве товара: «По представлениям крестьян земля — “ничья”, “дар Божий”» (Шустиков 1907: 97).

Анализ общественно-политического дискурса начала XX в. свидетельствует о том, что данная обычно-правовая норма использовалась в качестве чуть ли не главного аргумента противниками частной собственности. Порой дискуссии в Думе обретали крайне эмоциональную форму. Например, заместитель министра внутренних дел, выступая перед думами в 1906 г., так обозначил имевшуюся альтернативу: «Одно из двух: или земля признается наравне со всяким имуществом предметом частной собственности и в таком случае нет той категории землевладения, которая может быть подвергнута принудительному отчуждению либо, наоборот, мы станем на другую почву и будем признавать, что земля — Божий дар, что она принадлежит всем, желающим приложить к ней свой труд» (Государственная Дума... 1995: 151).

С той же эмоциональностью эта дискуссия продолжается в стенах высшего законодательного органа России и спустя 100 лет. Рационально мотивированной позиции сторонников частной собственности все так же противостоят иррациональные аргументы ее

противников, основанные на мифологических посылах обычно-правовой ментальности, в которых представление о «земле-матушке» занимает главное место. Этот, по сути дела, культурный конфликт, в основе которого лежат различные способы мышления, нашел отражение в выступлении депутата Думы Г.В. Кулика: «Еще раз повторяю. Я вижу сегодня настоящего патриота, который не просто говорит: “продать мать родную”, а который готов отработать закон» (Государственная Дума... № 101: 37).

Идея «земля — божий дар» буквально пронизывает современный общественно-политический дискурс. Вот как, например, заместитель мэра Москвы О.М. Толкачев ратовал за введение законодательных ограничений на куплю-продажу земли: «Мы не склонны ставить вопрос в такой плоскости — взять все сразу и продать. Вот у вас есть костюм, шуба или, скажем, автомобиль. Вы же не преследуете цель как можно быстрее это продать и остаться голым и без средств передвижения. Так и в случае с землей. Она особый товар, это данный Богом и матушкой-природой дар, к которому надо относиться крайне бережно и осторожно» (Черников 2002). Примерно так же рассуждает и начальник главного управления сельского хозяйства и продовольствия Липецкой областной администрации М. Кузнецов, предложивший вообще вывести землю из категории товара: «Земля не может быть товаром. Товар — это то, что создается человеческими руками, а земля создана Богом для всех людей и должна являться общенациональным достоянием» (Бакланов 2001).

«Труд» в представлениях о собственности на землю

Российское правосознание довольно жестко увязывает право собственности на землю с вложенным в нее трудом. Иными словами, лицо, обработавшее землю, является как бы собственником второго или даже третьего порядка, после государства и Бога. Действительно, обычно-правовая норма, выявленная нами в предыдущей статье, связывающая собственность с вложенным в вещь трудом, в полной мере относится к земле. Исторические данные говорят о том, что в средние века эта норма определяла правосознание населения Западной Европы: «Право владения считалось производным от факта обработки земли» (Гуревич 1989: 214). В России эта норма была отмечена этнографами XIX века в крестьянском быту: «“божья земля” может ассоциироваться как принадлежащая индивиду на основании, что последний обратил своим трудом дикую землю в возделываемую» (Ефименко 1884: 255).

Данная обычно-правовая норма фигурировала в качестве аргумента в законотворческом процессе начала XX в. Например, депутат С.В. Аникин, выступая в Думе, жестко связывал право собственности с трудом, ставя тем самым вне закона все другие основания, которые с юридической точки зрения могли бы считаться правомерными: «Скупщики, съемщики, арендаторы и кулаки, благодетели процентщики — все они зорко следят за львиной долей крестьянского урожая, которую, благодаря связующему праву частной собственности на землю, они получают с лихвой, оставляя на долю мужика беспросветный труд и голод» (Государственная Дума 1995: 199). Отметим, что тема «спекулянтов, скупающих землю» является наиболее распространенной и у современных политиков, выступающих против частной собственности. С ней может конкурировать только тема частной собственности на нефть, газ и т. д., тесно связанная с первой. Предполагается, что в результате введения частной собственности неизбежно произойдет разрыв между юридическими основаниями собственности и фактическими (обычно-правовыми).

Любопытно, что норма, связывающая «собственность» с «трудом», служит аргументом и для тех политиков, которые выступают за куплю-продажу земли. Не отрицая ее священного характера, ее «божей сущности», они в то же время отмечают ее бесхозность, предлагая продавать ее людям, готовым вложить в нее труд. В результате купля-продажа обретает легитимность с точки зрения обычного права. Иными словами, не закон, а вложенный в

землю труд делают собственника легитимным. При этом, аргументируя свою позицию, они используют средства из нашего культурно-психологического архива, олицетворяя землю (земля страдает от невнимательного отношения к ней человека). Словом, в данном случае диалог противоборствующих сторон следует одной логике, т. е. находится в тождественном культурном поле. Например, президент Татарстана М. Шаймиев сказал: «Что меня особенно поражает, так это то, что против купли-продажи земли в основном выступают в тех регионах, где десятки тысяч гектаров пашни вообще позаброшены-позабыты. И они утверждают: продавать нельзя, потому что... нельзя» (Бакланов 2001). Политиком создается антропоморфный образ несчастной, «позабытой и заброшенной» земли. При этом в полном соответствии с логикой политической борьбы называется причина ее бедственного положения. Очевидно, что этой причиной являются те, которые утверждают: «продавать нельзя, потому что... нельзя». Та же мысль была сформулирована и А. Ткачевым — губернатором Краснодарского края. Он также прибег к образу бедственно «живущей» «во многих российских регионах земли», пребывающей «в бурьяне и запустении». Соответственно, «возрождение заброшенных угодий» он видит на пути внедрения частной собственности. На самом деле частная собственность в данном случае выступает эквивалентом «труда»: «Я побывал во многих российских регионах и видел воочию, как там “живет” земля. Бурьян и запустение — не редкость. И в этом случае сам факт приобретения кем-то земли в частную собственность дает шанс на возрождение заброшенных угодий» (Голубева 2002).

Обычно-правовая норма, трактующая «труд» как единственный легитимный источник «собственности», может использоваться политиками в качестве критерия «справедливости» при экспертной оценке принимаемых государственных законов. Например, депутат А.С. Куликов критиковал указ президента РФ, по которому в 1992 – 1993 гг. регулировались земельные отношения внутри вновь образованных на базе бывших колхозов и совхозов акционерных обществ. Критика, по сути, сводилась к тому, что провозглашенное право собственности не было связано с количеством вложенного в землю труда: «Что сейчас происходит: человек, проработавший с 1990 по 1992 г. в колхозе, получил пай, а в 1993 г. уехал на Дальний Восток, и сегодня ему туда отправляют вознаграждение по результатам работы. А те, кто по тридцать лет отработал, не имеют этого» (Государственная Дума... № 101: 30). Депутат И.Д. Грачев во время второго чтения «земельного кодекса» ратовал за то, чтобы продажная цена учитывала вложенный в землю труд. Точнее, он должен был учитываться при продаже тем, кто эту землю обрабатывал, т. е. опять же собственность отождествлялась с вложенным трудом: «Например, когда хотят купить землю крестьяне, уже работающие на ней, мы не считаем целесообразным отдавать им по полной рыночной стоимости эту землю» (Государственная Дума... № 113. Ч. 136: 38). По мнению В. Жириновского, также только труд делает человека «хозяином» земли: «От Госдумы я получил служебную дачу, как и другие лидеры фракций и руководители комитетов. Пять лет я строил там маленький погреб, всякие постройки. Через пять лет меня выгнали оттуда, перевели на другую дачу. На новой даче я буду что-нибудь делать? Ничего не буду делать, все — это не мое! Но я же не буду жить просто так, я же должен куда-то прийти на этом участке. Вот простой пример, почему не надо лезть в 17-й год, в 91-й год. Я больше ничего не делаю! Пять лет я ухаживал, я все делал. Рядом все приватизировали, все у них осталось, а меня, поскольку я чиновник или, как в данном случае, депутат, меня перевели на другую дачу, а эту кому-то отдали. Но пять лет моего труда куда ушло?! Поэтому надо обязательно быть хозяином, именно хозяином» (Государственная Дума... № 101: 28).

В статье, опубликованной в предыдущем номере, отмечалось, что разрыв в российском правосознании, в котором реальный (легитимный) собственник не совпадает с юридическим, зачастую проявляет себя в том, что законные владельцы «вещей» определяются как «воры»,

«мошенники», ибо они являются таковыми по обычному праву. Это в полной мере относится и к земле. Депутат Г. Райков в интервью газете «Сельская жизнь» рассказал такую историю: «В одной деревне группа мошенников скупила за “Жигули” земельные паи. Обрадовались селяне подобной сделке, в каждом дворе появилась машина. А когда увидели, что коров пасты негде, очухались и заголосили. Новые хозяева теперь потребовали для выгона скота землю брать у них в аренду. Пришли бедолаги ко мне. Слава Богу, нашли юридические неточности и смогли признать сделку недействительной. Так вот, за железки могли лишиться земли-кормилицы» (Черников 2001). Заметим, что политик определяет покупателей как «мошенников», хотя, как следует из текста, они не нарушали существовавшего законодательства, не считая «неточностей» при заключении договора купли-продажи. Однако, с точки зрения правосознания крестьян, которое не допускает, что «за железки можно лишиться земли-кормилицы», они выступали именно как мошенники. Но здесь интересно и другое, а именно: справедливо допустить, что крестьяне сами решили «обмануть» чужаков-простаков. Они предпочли получить автомобили, будучи уверенными, что земля-то все равно может только принадлежать тем, кто на ней трудится, а значит, юридически оформленные договора — просто бумажки, не имеющие реальной (правовой, с их точки зрения) силы.

Приведу в качестве примера еще одну историю, в которой отчетливо прослеживается конфликт различных взглядов на земельную собственность, обусловленный «разрывом правосознания». В 2003 г. по ТВ в одной из новостных программ прошел сюжет, посвященный успешной женщине-предпринимателю, работающей в сельском хозяйстве. Вопрос корреспондента касался ее отношения к введению свободного товарооборота сельскохозяйственных земельных угодий. К моему удивлению, она ответила резко отрицательно, мотивируя тем, что крестьяне тут же продадут землю, будучи уверенными, что никуда она не денется, а когда поймут, что земля действительно утрачена навсегда, то «возьмутся за вилы». Собственно, удивительным было то, что женщина, вроде бы, представляла социальный слой, который более всего заинтересован во введении данного института.

Земельная собственность и коллектив. Следующим в иерархии легитимных земельных собственников, отраженных в обыденном правосознании, является коллектив. Эта норма также была выявлена в ходе полевых исследований (Рябкин 2002).

В дореволюционный период таким коллективом была община, имевшая решающий голос в вопросах землепользования. Она обладала бесспорным приоритетом в распределении земли между входившими в нее родственными коллективами (семьями). «Передача родственникам тяглой земли происходила далеко не всегда. Значительно чаще она осуществлялась между соседями, но тогда в соглашениях, утвержденных общинными властями, обязательно указывалось, что земля передается в “вечное владение”» (Александров 1984: 165). Однако, на самом деле, не о какой «вечности» речь не шла, община в любое время могла пересмотреть свое решение. Помещики, которые являлись юридическими собственниками земли, признавали сельскую общину в большей или меньшей степени необходимым элементом своего вотчинного управления. Они, определяя повседневную жизнь деревни, молчаливо подразумевали право общины решать вопросы, связанные с крестьянским землепользованием на основе обычного права.

Царская власть, возлагая на общину ответственность за налоговые сборы и иные повинности, также фактически отдавала ей на откуп вопросы внутреннего землепользования, которое продолжало регулироваться обычным правом. При этом земельно-распорядительные функции общины могли даже усиливаться, а «права» отдельного селения и двора на пашенные и сенокосные угодья приобретали сугубо временный характер. Община осуществляла свое право земельного регулирования и распоряжения угодьями. При

обеспечении земель нового тяглеца или управлении дворов в тяглом обложении она вводила в хозяйственный оборот пустоши, используя свое право распоряжения общемирскими угодьями, или использовала запустевшие участки, которые не могли обрабатывать ослабевшие в тяглом отношении дворы. Эта практика основывалась на традиционных нормах, согласно которым поля и сенокосы рассматривались «общим владением» отдельного селения (Быт... 1993: 134). Словом, обычное право являлось главным инструментом регулирования поземельных отношений в России, оно реально противостояло развитию частнособственнических тенденций, ограничивая полную свободу распоряжения имуществом. Имевшие же место сделки по купле-продаже отражали, по сути дела, лишь передачу права пользования угодьями, составлявшими общинное владение. Существование данного обычая допускал юридический собственник земли — помещик (Быт ... 1993: 165). Разделы (выделы), которые осуществлялись в семье, обретали «законную» силу только в случае согласия общества, «которое выражается в мирском приговоре, утверждаемом волостным правлением. Усадьба делится без участия схода, кроме тех случаев, когда необходимо определить ее границы. По разделам и выделам составляются на сходах приговоры, которые в свою очередь утверждаются земским начальником. Обращение в волостной суд бывает только по жалобе одной из сторон. Усадебная и полевая земля делится без участия схода, поскольку в этом случае споров между сторонами не бывает» (Быт... 1993: 198).

Переделы земли также осуществлял мирской сход по просьбе крестьян. В материалах архива подобная процедура описывается так: «На сходе крестьянин М., у которого в семье не было мужских душ и рождались только девочки, просит *душу* (землю), по случаю рождения у него двух сыновей, и обещает выставить за это угощение. Предчувствие выпивки побуждает крестьян решить дело в его пользу. Голосуют тем, что отходят в определенную сторону. В знак согласия староста *обирает* (т.е. пожимает) *руки*. “Мы присудили по его просьбе дать ему еще две души, которые тут же снимаем с вдовы Хавроньи К., так как она за смерть своего мужа на владение земли прав не имеет...”» (Быт... 1993: 48).

Даже выкуп земли в собственность не давал крестьянину фактического права распоряжаться ею по своему усмотрению: «Формально являясь собственником земли с закрепленными государством правами, отдельный член общины не мог не считаться с мнением всего коллектива в вопросах распоряжения землей, тем самым, коллектив являлся фактическим собственником такой земли по причине того, что именно он распоряжается землей подобно частному собственнику. Таким образом, хотя и признается земля божьей, но с оговоркой, что распоряжаться и пользоваться ей может только община “мир”» (Сыроечковский 1909: 97).

Обычно-правовая норма, отождествляющая собственность с коллективным владением, нашла отражение в законодательной практике начала XX в. В частности, статья 163 «Закона о крестьянском землевладении» (Указ от 09.11.1906) гласила: «Право на участие в общем владении приобретенною обществом землею, каждый отдельный крестьянин может уступить постороннему лицу не иначе как с согласия мира», а в статье 168 прописывалось следующее: «Участки, приобретенные отдельными крестьянами в личную собственность, могут быть отчуждаемыми с соблюдением следующих условий: в течение первых девяти лет, такой участок может быть продан только члену того же сельского общества с переводом на приобретателя всех обязательств по уплате выкупной ссуды» (Государственная дума... 1995: 99). Словом, если даже формально земля являлась собственностью индивида, то право распоряжения все равно ограничивалось коллективом. Правда, это право действовало в течение 9 лет, в течение которых собственник не мог свободно распорядиться принадлежащей ему землей.

Эта же норма во многом определяет мировоззрение современных законодателей. В частности, налицо стремление соединить в одном законе, с одной стороны, идею частной собственности на землю, с другой же, существенно ограничить ее, усилив роль коллектива. Например, М.И. Лапшин — лидер аграрной партии — сформулировал такую схему землепользования: «Крестьяне— собственники. Купля-продажа земли как способ земельного оборота запрещена. Движение паев допускается только в рамках кооператива или АО. Я думаю, что справедливее ничего не придумаешь» (Черников: 2001).

В законодательство включены также нормы, в которых преференции в вопросе перехода права собственности на землю имеют члены коллектива (например, в статье 12 «Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения»).

Заключение

Итак, можно констатировать, что современные правовые культуры удерживают в себе мощный пласт обычно-правовых представлений, относящихся и к собственности на землю. В современной России функционирование обычно-правовых представлений, связанных с собственностью на землю, отчетливо фиксируется на уровне обыденного сознания, в общественно-политическом дискурсе и в законодательной практике. В частности, они обнаруживают тесную связь с представлениями, характерными для русской крестьянской общины дореволюционного периода. Их устойчивость объясняется, во-первых, тем, что крестьянская община охватывала большинство населения страны вплоть до конца 1920-х гг. Во-вторых, тем, что российская власть, укрепляя свой авторитет, всегда опиралась на «священную связь с землей». Поэтому она всегда апеллировала к обычному праву при проведении политики в области поземельных отношений. Так, в результате реформ 1861 г. она фактически предоставила общине, а значит, основной части населения России, возможность самостоятельно регулировать земельные отношения на основе обычного права. Это затормозило развитие частнособственнических отношений в деревне. Попытки же царского правительства в начале XX столетия реформировать деревню на капиталистический лад потерпели неудачу. Причем, по мнению некоторых ученых, именно политика в области поземельных отношений, проводимая П. Столыпиным, вызвала в обществе социальный конфликт, который в конечном итоге привел страну к революционным потрясениям (Кара-Мурза 2002: 129–130).

Практически полное огосударствление собственности на землю в советский период в рамках политики коллективизации вполне вписывалось в обычно-правовые представления, трактующие сакральную власть (государство) в качестве главного собственника. Поэтому оно в целом было воспринято населением как вполне легитимное: «Поначалу образование колхозов шло успешно<...> Более того, идея совместной обработки земли, производственной кооперации существовала в общинном крестьянстве давно, задолго до коллективизации и даже до революции. <...> Коллективизация виделась как возрождение и усиление общины» (Кара-Мурза 2002: 477). Сопротивление коллективизации началось, когда стали обобществляться не земля, а скот, инвентарь и т. д., т. е. вещи, которые в соответствии с обычно-правовыми принципами являлись частной собственностью: «Вскоре, однако, оказалось, что обобществление заходит так далеко (в колхоз забирался рабочий и молочный скот, инвентарь), что основная структура крестьянского двора разрушится. Возникло сопротивление, затем административный нажим, а потом и репрессии» (Кара-Мурза 2002: 478). О психологических переживаниях крестьян, отдающих в колхоз свою скотину, можно судить по произведениям советской классики, описывающей тот период. Вспомним, хотя бы известные строки из Поднятой целины: «Кондрат, глядя на быка, вдруг почувствовал острый комок в горле, резь в глазах. Заплакал и пошел с база, как будто облегченный прорвавшейся

слезой. Остальные ночи не спал, курил<...>. Как будет в колхозе? Что как ни жалко вести и кинуть на общие руки худобу, выросшую вместе с детьми на земляном полу хаты, а надо вести».

Словом, авторитарная власть до революции, так и тоталитарный режим после нее, в своей политике по отношению к земельной собственности во многом опирались на обычное право, которое составляло основу народного правосознания. При этом упор делался исключительно на его коллективистские аспекты. Это вполне закономерно, так как именно они служат одним из главных источников сакрализации власти.

Демократические этапы в политическом развитии государства характеризуются конфликтом различных политико-правовых культур. Это обусловлено сосуществованием в одном культурном поле противоположных концепций права собственности как такового: с одной стороны, основанного на законе, с другой — на обычае.

Инициатива законодательных реформ в сфере отношений собственности всегда исходит со стороны политиков. Странники частной собственности на землю ориентируются на ценности западной культуры, как политэкономической, так и правовой. В первом случае они апеллируют к индивидуальному интересу как краеугольному камню социально-экономического развития общества — положению, лежащему в основе западных экономических теорий. Это мнение покоится, по сути, на эволюционистских представлениях о социально-экономическом общественном прогрессе, в которых победа частной собственности рассматривается в качестве венца исторического развития имущественных отношений. Высокопоставленный чиновник правительства реформаторов начала XX века, выступая за введение частной собственности на землю, априори обнаружил наличие «интереса» у разных слоев сельского общества: «Получение земли на условиях долгосрочного пользования едва ли удовлетворит крестьян. Стремление к собственности присуще крестьянам везде, как при подворном, так и при общинном пользовании» (Государственная Дума... 1906–1917: 148). Однако этноисторические сведения, как мы имели возможность убедиться, если и свидетельствуют о повсеместном «стремлении крестьян к собственности» на землю, то не в смысле полной свободы распоряжения, включая куплю-продажу, а только в обычно-правовом смысле.

Во втором случае реформаторы чрезмерно уповают на закон как инструмент реорганизации социально-экономических отношений. Имеет место своего рода сакрализация «закона», так как именно с его введением связывается возможность трансформации отношений собственности. Еще депутат царской Думы убеждал коллег в том, что «право собственности должно быть внедрено в сознание народа и что оно внедряется законом, осуществляющим в своих нормах правосознание народа». (Государственная Дума... № 101: 79). Однако, как показывает практика, «закон» в российской реальности как раз и не осуществляет «в своих нормах правосознание народа». Он, как правило, оторван от этого «правосознания», а поэтому оказывается малоэффективным в регулировании общественных отношений. Более того, принятие такого «закона» способно породить не только конфликт правовых культур, но и социально-политический конфликт в обществе. Будучи заимствованным из западных правовых систем, он наполняется в данной культуре свойственным ей содержанием, т. е. используется как инструмент в борьбе политических сил. На это уже обращалось внимание в предыдущей статье.

Политики, выступающие против института частной собственности на землю, опираются на обычно-правовые представления в той или иной форме. Они откровенно пытаются использовать их с целью политической мобилизации электората, рассчитывая прежде всего на голоса крестьянства. Именно в их дискурсе «продажа земли» приравнивается «к продаже Родины». Однако население России, как отмечалось, слабо реагирует на такие призывы, хотя они, казалось бы, вполне адекватны господствующей правовой культуре. Причина такого

положения дел заключается в том, что «обычное право» и «писанные законы» обладают различным инструментарием, посредством которого оказывают управляющее воздействие. Прежде всего, они базируются на различных способах мыследеятельности. В частности, обычное право всегда является продуктом конкретно-действенного мышления. Оно всегда привязано к определенной ситуации, а правила поведения, которые оно предусматривает, не рефлексированы в человеческом сознании в качестве обезличенной абстрактной нормы. Это было отмечено еще А.Я. Ефименко в XIX в.: «Народное обычное право и право культурное представляют собой два строя юридических воззрений, типически отличных один от другого, и потому всякая попытка систематизировать народное право по нормам юридической теории есть самое неблагоприятное дело» (Ефименко 1884: 171). Спустя несколько десятилетий к аналогичным выводам пришел Б. Малиновский, отрицавший, как известно, возможность использования понятийно-категориального аппарата юриспруденции для изучения права примитивных народов, что сделало его основателем антропологической «неюридической школы» (Malinowski 1926: 27).

Данное различие правовых систем можно наглядно проиллюстрировать в связи с понятием «Родина», которая является правовой категорией («измена Родине» — статья в уголовном кодексе РФ). Его обычно-правовое содержание хорошо раскрывается в известной песне советского времени «С чего начинается Родина». Автор слов прекрасно переводит абстрактное понятие на язык конкретно-действенного мышления. Итак, Родина начинается «с картинки в твоем букваре, с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе, <...> с той песни, что пела нам мать...». Иными словами, здесь абстракция раскрывается посредством ряда ассоциаций с объектами, обладающими высоким эмоционально-чувственным статусом (детство, товарищи, мать). Сама же абстрактная норма «Родина» отнюдь не влечет автоматически в индивидуальном сознании комплекс данных эмоциональных ассоциаций. Иными словами, сам факт ее «продажи», на чем настаивают левые, в случае принятия закона, разрешающего куплю-продажу земли, не содержит в себе мощного мобилизующего политического потенциала для носителей российской культуры, в которой обычно-правовая составляющая занимает столь заметное место.

Подчас высказывания политиков, отрицающих частную собственность, носят характер экспертной оценки. Они опираются на знания реальных правоотношений в сфере собственности. К таковым можно отнести слова депутата А.С. Куликова, настаивавшего на специфике кавказского региона при принятии известного закона.

В других же случаях нормы обычного права являются органической составляющей мыследеятельности политиков, воспроизводящих традиционные пласты правовой культуры, носителями которой они являются. Ссылка на нормы обычного права осуществляется без предварительной рефлексии, т. е. автоматически. Иными словами, сами нормы являются мотивом, определяющим отношение к частной собственности. Чаще всего они отражаются в понятии «божья земля» или «земля — божий дар».

Более всего привлекает внимание использование политиками обычно-правовых представлений для обоснования принятия закона о частной собственности. Здесь, как представляется, перед нами механизм адаптации социальной новации, в данном случае, российской культурой. Собственно, эту мысль содержит высказывание министра экономического развития Г. Грефа относительно нормы, содержащейся в «Земельном кодексе РФ»: «Пожизненное наследуемое владение — это институт, который был изобретен российским современным правом, и который подвешен в воздухе. Это не аренда и не собственность, хотя по своему содержанию этот институт полностью повторяет право собственности» (Государственная Дума... № 101: 35).

Если перефразировать высказывание министра в нашей системе координат, то оно могло бы звучать так: «Принятый закон явился некоторым суррогатом обычного права земельной

собственности». Иными словами, законы, соответствующие «магистральному пути развития человечества», обретают культурную (этническую) окраску, т. е. трансформируются местной правовой культурой на базе ее приоритетов.

Литература

- Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX века. М.: Наука, 1984.
- Арсеньев В.Р. Бамбара: от образа мысли к образу мира и произведениям искусства. СПб, МАЭ РАН, 2000.
- Афанасьев А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1983.
- Бакланов Ю. «Земля не должна быть товаром» // Сельская жизнь. 2001. № 52.
- Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: СПбГУ, 2001.
- Бочаров В.В. Антропология насилия // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001.
- Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992а.
- Бочаров В.В. О культурно-психологических истоках русского тоталитаризма // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. М.: Наука, 1992б.
- Бочаров В.В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России: опыт юридико-антропологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 4.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. На примере Владимирской губернии. СПб.: Издательство Европейского Дома, 1993.
- Голубева М. Россия вне цивилизованного рынка уже немыслима // Сельская жизнь. 2002. № 84.
- Государственная Дума. Стенограмма Заседаний. Бюллетень № 101.
- Государственная Дума. Стенограмма Заседаний. Бюллетень № 113. Ч. 1.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906–1917. М., 1995.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1989.
- Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М., 1884.
- Землепользование эвенков и эвенков в Сибири, прошлое и настоящее // Обычное право и правовой плюрализм в развивающихся обществах. XI Международный Конгресс ИЭА РАН. М.: ИАЭ РАН, 1997.
- Интервью Бориса Немцова программе «Новости». Радиостанция «Эхо Москвы». 20.12.2000. // www.pravoedelo.spb.ru/forum
- Кара-Мурза С. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. Кн. 1. М.: Алгоритм, 2002.
- Крылов А.Б. Постсоветская Абхазия. Традиции. Религия. Люди. М.: Наука, 2000.
- Мыльников Д. Нужна ли нам частная собственность на землю? // chel.anastasiacub.ru/article/privateground.html
- Национальная служба информации // www.mediatext.ru/docs/4753
- Родоман Б.Б. Образы государства, внедряемые в массовое сознание // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997.
- Рябикин А.И. Обычно-правовые представления о земельной собственности у современных россиян (По данным полевых исследований на северо-западе России) // Этнографическое изучение северо-запада России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Сыроечковский Б.Е. Сибирские статьи декабриста М.А. Фонвизина // Из истории движения декабристов. М., 1909.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

Тэйлор Э. Антропология. М-П., 1924.

Черников В. «Гектар земли с видом на Университет» // Сельская жизнь. 2002. № 70.

Черников В. Преодолеваю кризис амбиций // Сельская жизнь. 2001. № 6.

Штамм А. Кому не нужна частная собственность на землю? // Посев. 2001. № 3. (www.webcenter.ru/~posevru/nomer/ne01/ne103/)

Шустиков А.А. Взгляды крестьян Кандиновского уезда на земельную собственность // Живая старина. 1907. № 1.